

ТОМАШ Г. МАСАРИК

ТОМАШЪ Г. МАСАРИКЪ

ПРЕЗИДЕНТЪ
ЧЕХОСЛОВАЦКОЙ РЕСПУБЛИКИ

О БОЛЬШЕВИЗМЪ

8

Львів. Бібліотека
АН УРСР

ИЗДАТЕЛЬСТВО „НАША РЪЧЬ“ ПРАГА 1921

EDITION „NAŠA RJEČ“, PRAGUE II., KATEŘINSKÁ 40.

О БОЛЬШЕВИЗМЪ.

Львів. Бібліотека
АН. УРСР

Типографія „Политика“ въ Прагъ.

10

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА.

№ 1.

ТОМАШЪ Г. МАСАРИКЪ
ПРЕЗИДЕНТЪ ЧЕХОСЛОВАЦКОЙ РЕСПУБЛИКИ

О БОЛЬШЕВИЗМЪ

АВТОРИЗОВАННЫЙ ПЕРЕВОДЪ
ПОДЪ РЕДАКЦЕЙ

БОРИСА СОКОЛОВА

82(12)-1940
Льв. об. 051

Львів. Бібліотека
АН. УРСР

ИЗДАТЕЛЬСТВО

„НАША РѢЧЬ“

ПРАГА, 1921

EDITION „NAŠA RJEČ“, PRAGUE II., KATEŘINSKÁ 40.

03/44/5

Львівська державна
наукова бібліотека
№ 3869

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ РУССКОМУ ИЗДАНІЮ.

Albert Thomas, указывая на быстрое возрожденіе Чехіи, между прочимъ, сказалъ: „Если вы хотите понять чешскій народъ, если хотите узнать его качества и его возможности, — вы должны познакомиться съ личностью пожизненнаго президента Чехословацкой Республики Томаша Г. Масарика.

Въ его лицѣ наиболѣе яркія черты чешскаго народа преломились какъ въ фокусѣ, выявлены особенно ярко и отчетливо“.

И дѣйствительно, нѣтъ другой личности въ современной Чехословакіи, другого политическаго дѣятеля, другого чело-вѣка, который воплотилъ бы въ себѣ такъ выпукло прошлое и настоящее чешскаго народа, который всей своею жизнью, всѣми своими идеалами и міровоззрѣніями, явилъ бы примѣръ болѣе разительный того, сколь великую творческую силу можетъ показать геній славянства, воспринявшій культуру Запада.

Въ Томашѣ Г. Масарикѣ — сочетаніе Востока и Запада живительнѣйшимъ и глубочайшимъ образомъ выражается во всемъ, что дѣлаетъ, что пишетъ, что говоритъ этотъ, какъ его называютъ въ Америкѣ, „великій чехъ“.

5

Славянство дало ему широту мысли, тотъ своеобразный прагматизмъ пониманія, когда разумъ умѣть и можетъ заглянуть поверхъ лѣса предразсудковъ и ограниченій. И не только это. Оно дало ему также смѣлость сужденій, смѣлость не останавливающуюся передъ новаторствомъ идей, готовую принять революцію, если послѣдняя нужна, необходима и полезна. Европа со своей культурой, проникнутой міромъ реалистическихъ идей, дала ему то, чѣмъ такъ бѣденъ Востокъ: ясность мысли, логически-обоснованныя дѣйствія, твердое сознаніе намѣченной цѣли и умѣніе ее достигать упорно и настойчиво.

„Большой“ раціоналистъ въ политикѣ, онъ является таковымъ и въ философiи.

Но его раціонализмъ европейца смягченъ идеализмомъ славянина, правда, подоплечнымъ и часто имъ самимъ непризнаваемымъ.

* * *

Т. Г. Масарикъ былъ въ Россіи въ интереснѣйшее время. Въ 1917—1918 году. Онъ былъ свидѣтелемъ того, какъ на смѣну Временнаго Правительства пришелъ большевизмъ. Онъ самъ на себѣ испыталъ гражданскую войну, „попавъ подъ обстрѣлъ въ Москвѣ“, а затѣмъ и въ Кіевѣ, гдѣ „въ окна его комнаты летѣли пули“. Онъ былъ безпристрастнымъ и спокойнымъ свидѣтелемъ всего происходящаго, притомъ свидѣтелемъ, съ глубокимъ анализомъ разбиравшимъ російскія событія. Тѣмъ интереснѣе, тѣмъ важнѣе познакомиться съ мнѣніемъ Масарика о большевизмѣ и о русской революціи. Въ особенности намъ, русскимъ.

Борисъ Соколовъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ

ИЗДАТЕЛЯ ЧЕШСКАГО ОРИГИНАЛА.

Три воззванія, вошедшія въ сборникъ „O bolševictví“, Т. G. Masaryk, я издалъ на чешскомъ языкѣ, какъ первый выпускъ библіотечки „Služby“ въ апрѣлѣ этого года.

Первое воззваніе — рѣчь Масарика, произнесенная имъ 24 сентября 1920 года при посѣщеніи копей въ Брезовыхъ Горахъ у Прибрами присутствовавшимъ тамъ углекопамъ. Это было наканунѣ открытія съѣзда лѣваго крыла чехо-словацкой социаль-демократіи въ Прагѣ.

Вторая статья — интервью, опубликованное пражскимъ редакторомъ „Лидовыхъ Новинъ“ въ рождественскомъ номерѣ этой газеты отъ 24 декабря 1920 года; статья эта вышла также на англійскомъ языкѣ въ первомъ номерѣ обзора „Eastern Europe“. По французски эта статья вышла въ мартовскомъ номерѣ (9-мъ) „La Revue de Genève“.

Третья статья является перепечаткой изъ новогодняго номера „Часа“ отъ 1 января 1921 года. Она вышла также на англійскомъ языкѣ въ апрѣльскомъ номерѣ „Eastern Europe“.

Прага, 18 мая, 1921 г.

Василій К. Шкрахъ.

**ЧЕХО-СЛОВАЦКИМЪ
РАБОЧИМЪ.**

Я хочу сказать вамъ, рабочіе, а главное вамъ, соціалисты, нѣсколько простыхъ, почти рабочихъ словъ. Я самъ былъ рабочимъ, всегда сочувствовалъ вамъ и сочувствую. И думаю, что я это доказалъ на дѣлѣ. Тѣ требованія и пожеланія, которыя были мнѣ переданы, я принимаю, и обѣщаю вамъ, что по мѣрѣ силъ, не только своихъ, но и цѣлаго нашего государства, буду добиваться всѣхъ необходимыхъ исправлений.

Я знаю, что не все въ порядкѣ. Но послѣ такой великой войны — четырехлѣтней міровой войны — не только у насъ, но и въ цѣломъ мірѣ — положеніе ненормально. Вѣдь за четыре года войны уничтожено столько, что сто лѣтъ, вѣроятно, придется намъ исправлять разрушенное. Уничтожить легко, строить же не такъ просто. Мы переживаемъ нынѣ кризисъ всѣхъ народовъ, кризисъ всемірный.

Вашъ ораторъ коснулся кризиса соціалъ-демократической партіи; я не уклоняюсь отъ преній по этому вопросу. Ибо я люблю говорить прямо. Да! Вы, рабочіе! Вы, соціалисты, переживаете нынѣ кризисъ. Вашъ ораторъ только что гово-

рилъ о послѣднемъ, и о томъ, какъ его нужно превзойти. Я тоже вамъ скажу нѣсколько искреннихъ словъ объ этомъ вашемъ кризисѣ и о томъ, въ чемъ онъ заключается.

Уясните себѣ какъ слѣдуетъ, что значить слѣдующій фактъ. Въ Правительствѣ нашей республики было девять министровъ, принадлежавшихъ къ социалистическимъ партіямъ и помимо того, предсѣдатель парламента, Томашекъ, который въ парламентѣ занималъ положеніе столь же значительное, какъ и министерское — итакъ, значить, десять человѣкъ на выдающихся государственныхъ постахъ. Я прошу: сравните это съ государствами всей Европы. Вѣдь въ цѣлой Европѣ не было государства, въ которомъ социалисты занимали бы такое выдающееся положеніе, какъ у насъ. 17 министровъ и изъ нихъ большинство социалисты. Я увѣренъ, что при осторожной, спокойной, планомѣрной работѣ ваши министры въ согласіи съ вашими организаціями могли бы много сдѣлать для васъ. Но въ партіи многіе оказались противъ нихъ. И ваши министры ушли изъ правительства. Причина этого ухода кроется какъ разъ въ кризисѣ социальной демократіи и національного социализма. Чешскій социализмъ переживаетъ кризисъ! И выходъ вашихъ министровъ изъ кабинета является только признаніемъ тяжелаго внутренняго кризиса. Прибавлю: кризиса не только вашихъ партій, но и цѣлаго народа. Съ самаго начала я наблюдалъ происходившее съ дѣйствительнымъ

интересомъ, и могу только призвать васъ къ совершенно спокойному обсужденію положенія. Ибо возмущеніе, товарищи, не есть планъ дѣйствій, какъ не есть планъ — энтузіазмъ. Самыхъ лучшихъ намѣреній недостаточно, если нѣтъ хладнокровія и разума. И особенно твердо знайте, что для того, чтобы превзойти тотъ кризисъ, который вы переживаете, нужны головы, а не кулаки. Хорошенько это запомните.

Я самъ былъ почти годъ въ Россіи. Я пережилъ русскую революцію, пріѣхавъ въ Россію въ маѣ 1917 года. Тогда было буржуазно-соціалистическое правительство. Затѣмъ я пережилъ большевистскій переворотъ съ самаго его начала до конца въ Петроградѣ, въ Москвѣ и въ Кіевѣ. Наши добровольцы, которые были со мной, знаютъ что мы пережили.

Я знаю большевистскую Россію хорошо и внимательно наблюдалъ за большевистской революціей. Поэтому я утверждаю здѣсь, по чистой совѣсти и по наилучшему своему разумѣнію, что намъ, чехамъ, русскій образецъ не годится. И если кто нибудь думаетъ, что мы можемъ дѣлать то, что дѣлаютъ въ Россіи, то онъ жестоко ошибается. Я не буду сейчасъ пускаться въ пространную критику. Скажу только одно: въ Россіи нѣтъ ни коммунизма, ни соціализма, хотя бы потому только, что русскій народъ недостаточно еще просвѣщенъ для соціализма. Не желая критиковать, я долженъ все же констатировать этотъ фактъ, ибо, какъ

глава государства, я обязанъ наблюдать, дабы, постояннымъ наблюденіемъ за развитіемъ событій въ Россіи, уяснить себѣ происходящее. Я не буду пускаться въ разсужденія о томъ, что бы нужно было дѣлать въ Россіи — до этого намъ нѣтъ дѣла. Это сѣмѣютъ сдѣлать въ Россіи сами русскіе; но я знаю, что намъ въ Чехіи нуженъ иной путь — путь систематическаго труда и соціальныхъ реформъ, болѣе отвѣчающій нашему народному укладу и нашимъ потребностямъ. Русскій же методъ намъ не годится. Русскій народъ великъ, но, къ сожалѣнію, онъ не грамотенъ, не умѣетъ ни читать, ни писать, недостаточно просвѣщенъ и находится на низшей степени культуры по сравненію съ вами; все что они дѣлаютъ, носитъ совершенно иной, чуждый намъ характеръ; также и ихъ, такъ называемый, коммунизмъ. Я вамъ уже сказалъ: въ Россіи нѣтъ коммунизма — онъ только на бумагѣ. Тѣмъ болѣе, что Россія — страна крестьянская, а въ крестьянствѣ нѣтъ коммунизма, наоборотъ — въ деревнѣ господствуетъ частная собственность. И эту частную собственность укрѣпила большевистская революція, ибо когда у помѣщиковъ отняли землю, то земля была разобрана крестьянами и осталась въ частномъ ихъ владѣніи.

Таково положеніе. Болѣе того, я уже сказалъ, что въ Россіи нѣтъ даже социализма. Такъ какъ социализмъ вашъ, европейскій, согласно ученію Маркса, является социализмомъ научнымъ. И этимъ

отличается вашъ социализмъ отъ социализма въ Россіи. Ибо какъ можетъ быть въ Россіи научный социализмъ, когда люди тамъ не умѣютъ ни читать, ни писать? Настоящая демократія будетъ только тамъ, гдѣ каждый отдѣльный человѣкъ будетъ размышлять и будетъ научно воспитываться для социализма. Правда, Марксъ и Энгельсъ говорили о пролетаріатѣ, но они имѣли въ виду при этомъ пролетаріатъ просвѣщенный, который с^ъумѣетъ продолжать научную и философскую работу Фихте и Гегеля.

Соціализація! — да! Я въ своей деклараціи объявилъ себя сторонникомъ соціализаціи и сейчасъ здѣсь передъ вами я опять высказываюсь за соціализацію. Но соціализація пойдетъ постепенно. Она начнется съ того, что, какъ говорится, созрѣло. И какъ разъ вопросъ о вашей отрасли промышленности стоитъ въ первую очередь не только у насъ, но и въ цѣломъ мірѣ. Вы имѣете право воспользоваться этимъ обстоятельствомъ. Но я смѣю и долженъ васъ предупредить, что намъ недостаточно голыхъ лозунговъ соціализаціи. Для соціализаціи нужны — предварительная серьезная работа и конкретный планъ того, какъ ее систематически провести. А этого мы достигнемъ только тогда, когда не позволимъ вести себя пустымъ лозунгамъ. Поэтому я могу вамъ только предложить снова, какъ я это сдѣлалъ на пражскихъ фабрикахъ: подумайте хорошенько и постарайтесь при сотрудничествѣ всѣхъ порядочныхъ лю-

дей и работниковъ достигнуть того, чего вы добиваетесь. Вѣдь помните, что реформа, которой вы хотите и которую наше государство хочетъ провести — огромна.

Я знаю, что вы исходите изъ того, что вы — революціонная партія. Я самъ творилъ революцію и знаю, что это значитъ. И я твердо убѣжденъ, что народъ нашъ достаточно просвѣщенъ, чтобы мы могли эту реформу провести въ мирѣ и по взаимному соглашенію.

Соціальная революція уже налицо. Большинство людей не замѣчаетъ того, что она уже происходитъ. Чтобы докончить ее и придать ей опредѣленные, законченныя формы, для этого нуженъ, повторяю, разумъ, а не кулакъ. Соціальныя реформы будутъ имѣть успѣхъ, если у насъ будетъ ясный и опредѣленный планъ.

Я не боюсь.

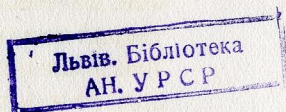
Когда я долженъ былъ рѣшиться въ 1914 и 1915 годахъ организовывать наши заграничныя революціонныя выступленія, тогда я сказалъ себѣ: „Будешь предлагать людямъ жертвовать жизнью“. — И это — тогда для меня было тяжелымъ вопросомъ. Безъ преувеличенія говорю, что цѣлыя ночи я не могъ спать спокойно.

Когда же потомъ я выдвинулъ лозунгъ: „Въ бой съ Австріей чего бы это ни стоило“, — я твердо зналъ, что дѣлаю, я зналъ, что этотъ лозунгъ связанъ съ жертвами и я не боялся ни за одного изъ революціонеровъ и я не боюсь Я былъ

въ революціи и потому я имѣю право сказать: игра съ послѣдней теперь, послѣ революціи, увѣнчавшейся успѣхомъ, несвоевременна. Когда вы имѣете возможность провести въ правительство свое большинство, — когда вы посредствомъ организацій добились столь многого, революціонное движеніе — абсурдъ.

Вы, старые рабочіе, развѣ вы не помните того, чего вы достигли путемъ организацій? — Обдумайте, что это значить, что вы — социалисты, не являясь большинствомъ въ народѣ — были большинствомъ въ правительствѣ. И я подчеркиваю еще разъ тотъ фактъ, что вы, благодаря организационной и парламентской тактикѣ, достигли успѣха, какого въ Европѣ не достигла ни одна социалистическая партія.

Мнѣ нечего больше сказать вамъ. Могу вамъ только пожелать, чтобы вы, какъ того желалъ Марксъ, были послѣдователями дѣйствительно научнаго социализма, чтобы у насъ былъ пролетаріатъ, который былъ бы въ состояніи контролировать развитіе промышленности, чтобы вы, чешскіе социалисты обоихъ лагерей, могли разрѣшить вопросъ „о рабочихъ“ спокойно и хладнокровно, какъ того требуетъ человѣчность и справедливость.

РЕВОЛЮЦІЯ И БОЛЬШЕВИКИ.

Я не хотѣлъ бы говорить о послѣднихъ событіяхъ; ибо въ этомъ случаѣ я долженъ былъ бы коснуться нѣкоторыхъ случаевъ и лицъ, а этого я не хочу: изслѣдованіемъ происшедшаго занимается теперь судъ. Но все таки, считаю возможнымъ подѣлиться съ вами своимъ мнѣніемъ о большевистскомъ взглядѣ на революцію. Естественно, я буду ссылаться главнымъ образомъ на русскій большевизмъ, потому что этимъ вопросомъ я больше всего занимался. Я буду формулировать свой взглядъ постепенно, пользуясь имѣющимся у меня по этому вопросу литературнымъ матеріаломъ.

* * *

1. Русскіе большевики стоятъ за революцію во что бы то ни стало; социалисты западно-европейскіе, и особенно социаль-демократы, въ свою очередь отвергаютъ русскій революціонизмъ. Поэтому большевики весьма рѣзко нападаютъ на социаль-демократовъ за „реформизмъ“ послѣднихъ, за то, что социаль-демократы не признаютъ необходимости вооруженнаго возстанія, за то, наконецъ, что они не начинаютъ революціи.

Ленинъ самъ, также какъ Радекъ и другіе, проявляютъ къ Каутскому особую неприязнь и враждебное вниманіе. Рядомъ съ Каутскимъ и Бернштейномъ очутились въ большевистскомъ индексѣ почти всѣ выдающіеся социалистическіе вожди цѣлаго свѣта. Не только русскіе какъ Плехановъ, Мартовъ, но также и Отто Бауэръ, Фр. Адлеръ, Гильфердингъ, Ледебуръ и другіе, уже не говоря о Шейдеманнѣ; изъ французовъ въ него попали Лонгэ, изъ англичанъ — цѣлая Labour Party и, конечно, фабианцы, изъ итальянцевъ — Турати, изъ американцевъ — Хилквигъ. — Поистинѣ, кого только тамъ нѣтъ! Ленинъ всѣхъ ихъ проклинаетъ, какъ оппортунистовъ и социаль-патріотовъ, проклинаетъ за то, что они поддѣляли ученіе Маркса, сдѣлавъ изъ революціоннаго марксизма буржуазный реформизмъ. Онъ часто ставитъ имъ въ упрекъ боязнь, трусость. — И это тѣмъ людямъ, которые, жертвуя своею жизнью, боролись съ царизмомъ, которые долгіе годы провели въ тюрьмѣ и въ Сибири!!

Правда, Марксъ и Энгельсъ вѣрили, что социальная революція и разгромъ капитализма свершатся въ ближайшемъ времени: въ Коммунистическомъ Манифестѣ даже они провозгласили, что Германія находится непосредственно наканунѣ буржуазной революціи, за которой немедленно послѣдуетъ пролетарская революція. Подобныя предсказанія дѣлались ими также и позднѣе, но они ошиблись въ опредѣленіи міровой ситуаціи.

И не разъ откладывая пролетарскую революцію на болѣе и болѣе позднее время, они наконецъ, вовсе отказались отъ своего первоначальнаго взгляда. Точно также Марксъ и Энгельсъ все опредѣленнѣе отрекались отъ революціонизма, и, наконецъ, Энгельсъ, въ 1895 году. Незадолго до своей смерти, подводя итоги своему политическому опыту, совѣтовалъ нѣмецкому пролетариату отказаться отъ вооруженнаго возстанія, отказаться отъ мысли, что послѣднее является единственнымъ и самымъ вѣрнымъ орудіемъ политической борьбы. Онъ совѣтовалъ пролетариату вести борьбу при помощи избирательныхъ бюллетеней, добиваясь получить большинство въ массѣ избирателей и въ парламентѣ, что дастъ возможность пролетариату осуществить свою диктатуру въ переходную эпоху.

До 1848 года и во время революціи Энгельсъ былъ радикаломъ, увлеченнымъ идеалами революціи, настроеннымъ противъ прусско-нѣмецкаго, австрійскаго и русскаго абсолютизма; революціонные идеалы его были довольно абстрактными и исчерпывались стремленіемъ къ политической свободѣ въ самой конкретной формѣ ея — къ республикѣ. И въ первое время послѣ 1848 года Энгельсъ говорилъ о революціи довольно неявно; видно, что онъ еще не анализировалъ научно этого понятія. Извѣстно, напримѣръ, его письмо Марксу, написанное въ 1851 году, въ которомъ онъ объявляетъ революцію „явленіемъ

природы“, (Natur Phaenomen), подчиненнымъ физическимъ законамъ. Здѣсь можно встрѣтить такія опредѣленія, какъ „матеріальная сила необходимости“ и т. п. изреченія, свидѣтельствующія о недостаткахъ его соціологическаго и научнаго анализа.

Позднѣе Марксъ и Энгельсъ очень внимательно изучали вопросъ объ революціи, какъ объ этомъ свидѣлствуютъ статьи ихъ и сочиненія, посвященныя этой послѣдней. Парижская Коммуна дала имъ новый стимулъ къ анализамъ и сравненію разныхъ революцій. Къ тому же въ это время, соціалъ-демократическая партія была уже организована. И поскольку Марксъ и Энгельсъ занимались научнымъ анализомъ соціальныхъ и экономическихъ проблемъ, постольку вырабатывалось и утверждалось понятіе научнаго соціализма. Энгельсъ и Марксъ все опредѣленнѣе отдѣляли соціализмъ отъ разныхъ формъ и степеней анархизма и все тверже становились на эволюціонную точку зрѣнія, разработанную дарвинизмомъ и вообще эволюціонизмомъ.

Энгельсъ измѣнялся одновременно съ Марксомъ.

Въ 1883 году Энгельсъ въ письмѣ къ Бернштейну совершенно ясно высказалъ положеніе, что социалисты могутъ и должны ожидать буржуазной республики; и этимъ эволюціонная его точка зрѣнія была окончательно предопредѣлена. Уже въ предисловіи къ пятому изданію Коммунистическаго Манифеста Энгельсъ въ 1890 году написалъ

слова, столь часто цитируемая: „Для окончательной побѣды лозунговъ, выдвинутыхъ Манифестомъ, Марксъ полагался только, и только, на разумную эволюцію рабочаго класса, которая является необходимымъ результатомъ соединенія дѣйствія съ дискуссіей.“ А въ своей критикѣ Эрфуртской программы, (принятой въ 1891 году) онъ учитъ, что въ тѣхъ странахъ, въ которыхъ народъ обладаетъ совершеннымъ избирательнымъ правомъ, какъ, на примѣръ, въ Англіи, въ Америкѣ, во Франціи, старый режимъ можетъ безболѣзненно перейти въ режимъ новый. Согласно съ этимъ, онъ провозглашаетъ демократическую республику специфической формой, подготовляющей диктатуру пролетаріата. Изъ всего этого видно, что Энгельсъ дословно повторяетъ изреченія Маркса. И наконецъ въ своемъ предисловіи къ книгѣ Маркса „Классовая Борьба во Франціи отъ 1848 до 1850 года“, онъ не только далъ вышеупомянутый полный анализъ революціи, но и высказался за парламентскую тактику.

Марксъ также былъ революціоннымъ романтикомъ въ 1848 году и во время послѣ революціонной реакціи, былъ до тѣхъ поръ, пока не сталъ социалистомъ. Когда же онъ пришелъ къ научному социализму, то онъ уже смотрѣлъ на революцію иначе, чѣмъ это было въ 1848 году, и иначе, чѣмъ онъ писалъ въ первой книгѣ Капитала. Въ этомъ какъ разъ и заключается разница между первой книгой Капитала и книгами послѣдующими. И большевики не поступаютъ отсюда научно и правильно,

когда постоянно ссылаются только на Маркса первого періода.

Ибо въ періодъ своей политической и научной зрѣлости Марксъ считалъ возможнымъ, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ странахъ, какъ въ Англіи, Америкѣ и Голландіи, произвести социальный переворотъ безъ революціи, мирнымъ путемъ. Это положеніе Марксъ буквально провозгласилъ въ 1872 году въ своей рѣчи въ Амстердамѣ тотчасъ же послѣ Парижской Коммуны; въ виду важности этой рѣчи, цитирую ее въ оригиналѣ:

„Рабочій рано или поздно долженъ имѣть политическую силу въ своихъ рукахъ, дабы твердо основать новую организацію труда. Онъ долженъ отвергнуть прежнюю политику, которая поддерживаетъ старыя учрежденія, если только онъ не хочетъ отречься отъ земного царства, отъ міра сего, подобно древнимъ христіанамъ, презиравшимъ и отвергавшимъ его. Но мы не утверждаемъ, что пути, ведущіе къ этой цѣ-

Der Arbeiter muss eines Tages die politische Gewalt in der Hand haben, um die neue Organisation der Arbeit zu begründen. Er muss die alte Politik umstürzen, welche die alten Institutionen aufrechterhält, wenn er nicht, wie die alten Christen, die solches vernachlässigt und verachtet hatten, auf das Reich von dieser Welt verzichten soll. Absr wir haben nicht behauptet, dass die Wege, um zu diesem Ziel zu gelangen, überall dieselben seien,

ли, вездѣ одинаковы. Мы знаемъ, что нужно принять во вниманіе учрежденія, нравы и обычаи отдѣльныхъ странъ, и не отрицаемъ, что есть земли, какъ Америка, Англія и, если бы я зналъ лучше вашъ строй, я присоединилъ бы, вѣроятно, и Голландію, въ которыхъ рабочіе могутъ придти къ своей цѣли мирнымъ путемъ. Но такой исходъ возможенъ не во всѣхъ странахъ.“

А Энгельсъ, какъ уже сказано, провозгласилъ, что даже въ Германіи революція не нужна.

Слѣдовательно, большевики ссылаются для обоснованія своего революціонизма на Маркса и Энгельса совершенно неправильно. Оба послѣдніе отказались въ социалистическій и научный періодъ своего развитія отъ революціонизма. И большевики прямо недостойно уклоняются отъ правды, — при изложеніи взглядовъ Маркса и Энгельса, замалчивая ихъ истинную сущность. Это — лишнее доказательство, что большевики неспособны на дѣйствительно научныя сужденія о политикѣ.

Wir wissen, das man die Institutionen, die Sitten und das Herkommen der verschiedenen Gegenden berücksichtigen muss, und wir leugnen nicht, dass es Länder gibt, wie Amerika England und, wenn ich Euere Einrichtung besser konnte, würde ich vielleicht hinzufügen Holland, wo die Arbeiter auf friedlichem Wege zu ihrem Ziele gelangen können. Doch nicht in allen Ländern ist dies der Fall.

Марксъ-Энгельсъ вооруженную революцію считаютъ въ лучшемъ случаѣ вспомогательнымъ средствомъ, могущимъ дополнить и довершить разложение капитализма, въ которомъ главные элементы новаго режима уже развиты экономической революціей, столь характерной для капитализма. Эту то внутреннюю революцію, вызванную экономическимъ развитіемъ, Марксъ и Энгельсъ считаютъ главной и рѣшающей. И тотъ и другой ждутъ, какъ мы уже говорили выше, рѣшительной перемѣны соціального порядка отъ просвѣщенія рабочихъ. Ленинъ же вооруженную революцію считаетъ главнымъ творческимъ средствомъ, которое сможетъ даже въ полукапиталистической, или, вѣрнѣе, въ некапиталистической и непросвѣщенной Россіи помочь осуществленію коммунистическаго режима. И въ то время, какъ Марксъ и Энгельсъ встали на научную и эволюціонную точку зрѣнія, русскіе большевики мыслятъ не только не эволюціонно, но и не научно, и абсолютически. Вѣдь ясно же, въ чемъ дѣло: революціи, какъ протеста, какъ отплаты и устрашенія, еще не достаточно; — революція должна быть созидательной, и, творя, должна замѣнить старое управленіе новымъ. Такая революція не должна быть вооруженной; она должна быть подготовлена воспитаніемъ и просвѣщеніемъ массъ и вождей, способныхъ проводить новыя заданія. И въ то время, какъ большевики мечтаютъ о революціи старыхъ временъ, временъ некультурныхъ, абсолютическихъ, временъ, когда царило

насиліе — Марксъ и Энгельсъ путемъ долгой умственной работы пришли къ идеалу революціи новаго времени, революціи культурной, обеспечивающей новое управленіе.

Ленинъ, конечно, ждетъ окончательнаго разгрома капитализма въ цѣломъ мірѣ, но какъ разъ въ этомъ онъ тоже ошибается; всѣ его взгляды на развитіе человѣчества и отдѣльныхъ народовъ утопичны, а его философія исторіи сомнительна. Ленинъ и его единомышленники предсказывали срокъ окончательнаго разгрома капитализма въ Европѣ уже нѣсколько разъ и всегда напрасно: постепенно они отсрочивали время ожидаемаго краха, но и до сихъ поръ, своихъ послѣдователей и себя они только ввѣряютъ будущему.

Правда, и Ленинъ иногда говоритъ болѣе реально. Въ своей полемикѣ съ коммунистическими радикалами онъ предостерегаетъ ихъ отъ захвата политической власти до тѣхъ поръ, пока пролетаріатъ не достигнетъ нѣкотораго предѣла въ своей борьбѣ съ капитализмомъ. Предѣлъ же этотъ въ разныхъ странахъ и при разныхъ обстоятельствахъ различенъ.

Такъ онъ говоритъ: „правильно опредѣлить этотъ предѣлъ могутъ только мыслящіе, испытанные опытные политическіе вожди пролетаріата въ каждой отдѣльной странѣ.“ И дальше: „Тактика должна опираться на трезвое, строго объективное взвѣшиваніе реальныхъ силъ всѣхъ общественныхъ классовъ даннаго государства, и государствъ,

его окружающихъ, такъ же, какъ и на опытъ революціонныхъ движеній.“

* *

2. Большевики поддаются революціонному романтизму и мистицизму.

Революція для нихъ — откровеніе и, въ полномъ смыслѣ этого слова — фетишъ. Это вытекаетъ впрочемъ и изъ ихъ интеллектуальной и нравственной неразвитости. Поэтому революція становится для нихъ цѣлью. Они неспособны къ дѣловой работѣ, они стремятся къ такъ называемымъ великимъ дѣяніямъ, хотя бы только въ жестахъ и словахъ. Отсюда — постоянная ихъ борьба съ контрреволюціей, совершенно произвольно опредѣляемой ими. Большевики — русскіе, а о русскихъ Ленинъ постоянно твердитъ, что они неспособны работать такъ, какъ западные народы; Ленинъ въ этомъ отношеніи ближе къ истинѣ, чѣмъ самъ это предполагаетъ: ибо русскіе стоятъ еще на старой, аристократической точкѣ, при которой работа и работоспособность не цѣнятся. Большевики представляютъ изъ себя именно этотъ низшій періодъ культурнаго развитія, гдѣ насиліе представлено во всей его полнотѣ. Отсюда — несогласованность программы Маркса-Энгельса съ большевистской дѣйствительностью.

Надо помнить, что большевики выросли, какъ партія эмигрантская, работавшая нелегально, тайно, пользуясь методами всѣхъ тайныхъ обществъ.

Въ этой традиціи русской революціи, революціи по существу своему террористической и анархической, они выросли, и отъ этой традиціи они не умѣютъ избавиться. Отсюда — всѣ ошибки большевистскаго управленія, или точнѣе, промахи ихъ административной импровизаціи, ихъ административнаго диллетанства, характернаго отсутствіемъ продуманнаго цѣлостнаго плана, лишеннаго систематичности и послѣдовательности. Вѣдь Радекъ до сихъ поръ еще рекомендуетъ социалистамъ Западной Европы объединяться въ нелегальныя тайныя организаціи!!

И въ этомъ — разница между Европой и Россіей.

Европейскіе социалисты болѣе позитивны, они способны уже на спокойную работу и творчество, и поэтому на революцію они также смотрятъ реально, безъ мистики и романтики.

Большевистская вооруженная революція, съ европейской точки зрѣнія, была не нужна. Послѣ того, какъ царизмъ палъ и установилось социалистически-либеральное правительство, и особенно, послѣ того, какъ въ Учредительномъ Собраніи, избранномъ 36-ю милліонами избирателей, образовалось социалистическое большинство (изъ 703-хъ было 639 депутатовъ социалистовъ), — большевики, какъ меньшинство, могли довольствоваться работой парламентской, административной и воспитательной. Они могли организовать парламентскую оппозицію. Правда, что правительство Керенскаго

дѣлало ошибки, но эти ошибки не давали права Ленину на новыя ошибки. („Тысяча ошибокъ“, говорилъ Радекъ). Вѣдь большевики не сумѣли и не умѣютъ работать, они могутъ только принуждать къ работѣ (ихъ большевистскій режимъ установилъ рабство буржуазіи, буржуазіи, надо прибавить, очень произвольно опредѣляемой, благодаря чему получилось также и рабство рабочихъ), они умѣютъ только воевать, убивать и умирать, но не умѣютъ настойчиво, постоянно и неутомимо работать.

Потому то ихъ революція была и есть революціей политической, а не соціальной и экономической. Свою революцію они провели главнымъ образомъ, благодаря тому, что использовали поражение царскаго войска. Какъ только Ленинъ провозгласилъ, что война должна быть во что бы то ни стало прекращена, — къ нему присоединились солдатскія массы. Эти массы были двухъ родовъ: солдаты, которые пережили ужасы трехлѣтней несчастной войны, солдаты — утомленные и деморализованные поражениемъ, — и рядомъ съ ними — другія массы — тыловыя войска, воински недисциплинированныя; вся эта масса съ радостью приняла ленинскій ультрапасифизмъ. Этимъ то и побѣдилъ Ленинъ, а не тѣмъ, что по Марксу правильно учелъ положеніе мірового капитализма и социализма.

Необходимость для каждой революціи опредѣляется въ концѣ концовъ однимъ или нѣсколь-

кими, политическими вождями. Таковое ихъ рѣшеніе не является только вопросомъ исторіи, (если моментъ въ данное время правильно выбранъ), но также и вопросомъ совѣсти. Вопросомъ совѣсти потому, что рѣшиться на революцію — значитъ рѣшить вопросъ о жизни и смерти многихъ. А для этого послѣдняго рѣшенія нѣтъ иного правила, кромѣ того, что революція является послѣднимъ, единственнымъ и, слѣдовательно, абсолютно крайнимъ средствомъ для защиты свободы и для подготовки болѣе совершеннаго будущаго.

* * *

Передъ войной я много лѣтъ занимался вопросомъ о революціи. Не одинъ разъ приходило мнѣ въ голову, что я рѣшаю задачу чисто академическую. — Но нѣтъ: это была и есть задача дня, какъ это показало развитіе событій. Постоянными бесѣдами о революціи съ моральной точки зрѣнія (въ послѣдній разъ — въ книгѣ о Россіи) я доказалъ, что мною было правильно оцѣнено міровое положеніе: я ждалъ переворотовъ и революцій, и чувствовалъ, что въ концѣ концовъ, вопросъ о необходимости революціи и о правѣ на нее, я буду также рѣшать самъ. Такъ и случилось. Я организовалъ нашу національную борьбу и руководилъ нашей революціей.

Рѣшиться на революцію, какъ я уже не разъ говорилъ, мнѣ не было легко. Я испытывалъ муки,

потому что нужно было угадать, будетъ ли наша революція при данной ситуаціи успѣшна, и окупить ли успѣхъ ея пожертвованныя для нея жизни. При этомъ, исключительное положеніе вождя заставляетъ особенно избѣгать опасностей для себя, чтобы не покинуть въ опасную минуту своихъ приверженцевъ безъ совѣта и руководства. Я оставилъ семью, и относился спокойно къ ея преслѣдованію: я съ этимъ считался и рѣшился на это безъ колебаній. Чудесная судьба забросила меня въ самый центръ большевистскихъ революцій въ Петроградѣ, въ Москвѣ и Кіевѣ. Не разъ я былъ подъ обстрѣломъ; такъ было въ Москвѣ, гдѣ я шесть дней прожилъ въ отелѣ Метрополь. Позднѣе, въ Кіевѣ, въ мои окна летѣли пули и осколки шрапнелей. И я не боялся, какъ не боюсь за себя и теперь — въ этомъ я убѣдился путемъ кровавого опыта. Но я мучился дни и ночи, рѣшая вопросъ о чужихъ жизняхъ, ибо въ то время я получалъ вѣсти о смерти и истязаніяхъ нашихъ вѣрныхъ солдатъ. Все это позволяетъ мнѣ говорить о революціи не какъ теоретику, а какъ практику.

Для человѣка чужая жизнь должна быть святыней; человѣкъ долженъ уважать личность и и жизнь своего ближняго. Это — основаніе въ жизни отдѣльных людей и общества; и этимъ гуманизмомъ опредѣляются правила революціи и войны. Революція должна быть начата во имя самозащиты, а не во имя стремленія къ власти, къ

грабежу и насиліямъ, и должна жертвовать какъ можно меньшимъ числомъ жизней. Въ этомъ то какъ разъ русскіе, благодаря примитивности своей культуры отличаются отъ насъ, народовъ Запада: они въ войнѣ и революціи только и дѣлають, что расточають безразсудно жизни. Въ этомъ отношеніи большевики стоятъ на очень низкой ступени. Я собственными глазами видѣлъ ужасные подвиги большевистскихъ революціонеровъ. — Въ нихъ проявлялась прямо варварская грубость, часто звѣрская жестокость; и самая страшная моральная потрясенія я переживалъ отъ этой столь очевидной ненужности жертвъ.

Ленинъ, въ своей полемикѣ, обвиняетъ Каутскаго и всѣхъ противниковъ большевистской революціи въ трусости, указывая, что трусость является, собственно, причиной ихъ протеста противъ большевистскаго революціонизма. Я стою на сторонѣ Каутскаго не изъ чувства боязни, а сознательно, благодаря моему изученію положенія Россіи и Европы. И съ чистой совѣстью, послѣ долгаго и искренняго размышленія надъ этимъ вопросомъ, я говорю — что большевики роковымъ образомъ ошибаются. Ибо прежде всего, они не понимаютъ, что прогрессъ европейскихъ народовъ и ихъ нравственность, уже отвергають насиліе, а вмѣстѣ съ послѣднимъ и вооруженныя наступательныя революціи и что европейскій гуманизмъ разрѣшаетъ войны и революціи завѣдомо оборонительныя. Дальше: большевики не понимаютъ, что Россія

по непросвѣщенности и отсталости своей не созрѣла не только для коммунизма, но и для научнаго социализма; и что не путемъ революціи она достигнетъ этой зрѣлости.

И наконецъ, что мы въ Европѣ достаточно созрѣли для глубокихъ социальныхъ реформъ, для каковыхъ намъ не нужны вооруженныя революціи — меньше же всего террористическая революція по русскому образцу.

**О ТАКЪ НАЗЫВАЕМОЙ
ДИКТАТУРЪ
ПРОЛЕТАРИАТА.**

I.

Самъ Ленинъ рѣшительнѣйшимъ образомъ подчеркиваетъ то, что его режимъ сдѣлалъ возможной и ввелъ въ жизнь диктатуру пролетаріата.

Лозунгъ — диктатура пролетаріата самъ по себѣ многого не говоритъ, все зависитъ отъ того, „какой пролетаріатъ“ и „какая диктатура“. Русскіе большевики, какъ правовѣрные марксисты, претендующіе на наиортодоксальнѣйшую ортодоксальность, въ диктатурѣ русскаго пролетаріата видятъ торжество соціальной революціи, вводящей коммунизмъ, какъ послѣднюю конечную стадію экономическаго и культурнаго развитія не только Россіи, но Европы и человѣчества вообще. Понятіе пролетаріата, взятое въ этомъ смыслѣ слова, представляетъ собою, по Марксу, организованную массу, организованное большинство и является значительнымъ большинствомъ противъ ничтожнаго меньшинства капиталистовъ.

Сущностью понятія капитализма является то, что это — режимъ огромнаго большинства, а въ конечномъ итогѣ и человѣчества вообще. Такъ въ

Коммунистическомъ Манифестѣ Марксъ и Энгельсъ буквально говорятъ, что пролетарское движеніе есть самостоятельное движеніе „огромнаго большинства въ интересахъ подавляющаго большинства“.

Теперешній же совѣтскій режимъ — диктатура, но диктатура вождей небольшой политической партіи. Большевицкая диктатура является ясно выраженной диктатурой незначительнаго меньшинства. Это — олигархія, олигархія аристократическая въ полномъ смыслѣ этого слова. Это не диктатура пролетаріата, но „диктатура надъ пролетаріатомъ“. Анализъ совѣтскаго режима и его исторія доказываютъ это совершенно ясно.

Октябрьскій переворотъ 1917 года (7 ноября нов. стиля) отнюдь не былъ массовымъ народнымъ движеніемъ. Этотъ переворотъ — дѣло рукъ вождей, работавшихъ изъ за кулисъ, сверху. Вѣдь въ то время, имѣвшій большое историческое значеніе, Второй Всероссійскій Съѣздъ Совѣтовъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ былъ склоненъ постановить, что коалиціонное буржуазно-соціалистическое правительство должно быть замѣнено коалиціоннымъ соціалистическимъ правительствомъ; и въ то же самое время большевики совершили свой партійный переворотъ при помощи петроградскаго войска и, главнымъ образомъ, матросовъ. Они совершили его, пользуясь войсками мало соціалистическими. Болѣе того, они съ тѣхъ поръ и до сегодняшняго дня опираются на вой-

ско. Это войско не было даже цѣликомъ русскимъ, такъ какъ въ немъ служили за высокую плату, пользуясь привилегированнымъ положеніемъ, иноземные наемники. Само собой разумѣется, большевики національно-неоднородный составъ своей арміи оправдывали своимъ интернационализмомъ.

Противъ переворота, задуманнаго Ленинымъ и Троцкимъ, высказались и нѣкоторые лидеры большевиковъ — Зиновьевъ, Каменевъ, Рыковъ, Ногинъ, Рязановъ и другіе. Они протестовали противъ этой гибельной политики и даже выступили было изъ партіи. Но черезъ нѣкоторое время они вернулись въ послѣднюю обратно, помирившись, такимъ образомъ, съ создавшимся положеніемъ. Но, конечно, правильность аргументовъ ими выдвинутыхъ послѣднимъ обстоятельствомъ не была опровергнута.

Разгонъ Учредительнаго Собранія былъ также совершенъ вождями большевизма и военнымъ ихъ аппаратомъ, а отнюдь не русской народной массой. И здѣсь солдаты играли главную роль, — депутаты должны были работать подъ контролемъ солдатъ и подъ угрозой оружіемъ.

Въ тоже время земледѣльческія массы, т. е. вся Россія, не были настроены большевистски и не принимали въ большевистской революціи того участія, которое они должны были бы принять, если эта революція была бы дѣйствительно русской народной революціей.

А таковой она должна была быть, если бы она была „окончательной“ революціей, согласно исторической схемѣ Маркса, схемѣ, на которую обычно ссылаются большевики.

Вѣдь противъ большевиковъ — и русскіе социаль-демократы (меньшевики), противъ нихъ же и социаль-революціонеры и другія демократическія партіи. Само собой разумѣется, что противъ большевиковъ и всѣ группы и партіи консервативныя и реакціонныя. По послѣднимъ извѣстіямъ теперь въ Россіи насчитывается организованныхъ большевиковъ только около 600.000; и такимъ образомъ, большевистская диктатура, въ дѣйствительности является диктатурой этого незначительнаго меньшинства надъ громаднымъ, стопятидесятимилліоннымъ населеніемъ Россіи. И если можно допустить, что послѣ октябрьскаго переворота часть пролетаріата и диктаторствовала, то это было короткое время, такъ какъ вожди очень быстро позаботились о сокращеніи этой диктатуры, особенно въ отношеніи крестьянства. Вѣдь вся ихъ политика это ярко доказываетъ. Правда, и это надо отмѣтить, что диктатура послѣ переворота была, собственно, анархіей, это не была диктатура социалистическая, т. е. диктатура сознательныхъ социалистовъ, преслѣдующихъ свои установленныя программой и подготовляемыя исподволь социальныя цѣли.

II.

У Ленина и его помощниковъ неясная, лишенная критическаго отношенія и полная мистицизма теорія о пролетаріатѣ, и о взаимоотношеніяхъ массъ съ индивидуумами, особенно съ активнымъ авангардомъ и вождями; въ частности, они считаютъ себя какими то пророками, пророками безошибочными, говорящими и дѣйствующими отъ имени „пролетаріата“, „массы“, — все равно, какъ бы они ни титуловали свой великій фетишъ. Повидимому, приходится допустить, что неясность большевиковъ въ отношеніи ихъ къ массѣ и къ функціи послѣдней проистекаетъ отъ неясности въ опредѣленіи этого вопроса Марксомъ и Энгельсомъ и ихъ послѣдователями. Марксисты на Западѣ прилежно анализировали сущность массы и взаимоотношенія ея съ индивидуумомъ, постоянно стараясь уяснить себѣ вопросъ о взаимоотношеніи интеллигентовъ и массы и т. д. Но проблема не была рѣшена ими достаточно критически. Все время они продолжали колебаться между пониманіемъ коллективистическимъ и индивидуалистическимъ. Въ итогѣ коллективистическая точка зрѣнія Маркса и Энгельса взяла верхъ.

Тоже самое мы видимъ и въ русской социалистической литературѣ, гдѣ взглядъ на массу и взаимоотношеніе ея съ индивидуумами остался невыясненнымъ. Большевики со своей стороны никоимъ образомъ не разъяснили этотъ вопросъ. Между

тѣмъ, они признають массу, пролетаріатъ, полноправнымъ субъектомъ всего соціального мышленія и дѣйствій, и провозглашаютъ квалифицированныя единицы полноправными субъектами этого же мышленія и дѣйствій. Примѣръ: Радекъ говорить, что историческія рѣшенія никогда не даются теоретиками революціоннаго класса, что эти рѣшенія обычно бываютъ найдены только практически въ революціонной борьбѣ массъ. Теоретикамъ остается только задача понять смыслъ практическихъ шаговъ пролетаріата, популяризировать ихъ, и сдѣлать общедоступными лозунгами пролетарской борьбы. Рядомъ съ этимъ чисто славянофильскимъ мистическимъ взглядомъ на народъ и его вождей, и вопреки него, у того же Радека вы читаете, что каждая революція является дѣломъ меньшинства, а часто и меньшинства незначительнаго; читаете такъ же, какъ и у Ленина, о полноправности руководящаго авангарда пролетаріата; читаете о необходимости научнаго анализа мірового хозяйства и міровой политической ситуациі и читаете, наконецъ, призывъ къ пролетаріату мыслить исторически, охвативъ вѣка, и т. д.

Далѣе, Радекъ и другіе написали цѣлыя главы о необходимости интеллигентовъ для пролетаріата, указывая, что Парижская Коммуна пала изъ-за неясности цѣлей и т. п.

Въ этой роковой неясности взаимоотношеній индивидуума и массы заключается постоянный источникъ демагогіи. Съ одной стороны — стре-

мленіе спрятаться за массу, съ другой — присваиваніе себѣ главенства безъ массы и надъ массой. Само собой разумѣется, что каждый мыслящій человекъ не можетъ не понять, что какъ Марксъ и Энгельсъ, съ одной стороны, такъ и Ленинъ, Радекъ и другіе съ другой стороны, вели и ведутъ за собой массы. Разумѣется, что тѣ и другіе старались и стараются понять и формулировать желанія этихъ массъ. Но отъ этого инициатива и отвѣтственность этихъ вождей никоимъ образомъ не уменьшается и не уничтожается. Ленинъ часто доказываетъ, что диктатура пролетаріата должна быть диктатурой отдѣльныхъ опредѣленныхъ лицъ; больше того, онъ подчеркиваетъ, что для достиженія общаго успѣха (особенно въ экономическихъ организаціяхъ), тысяча волей должна быть абсолютно подчинена единой волѣ, — и, несмотря на это, наряду съ этимъ, онъ постоянно убѣждаетъ пролетаріатъ (я достаточно лойяленъ, чтобы признать, что онъ убѣждаетъ также и самого себя), что вѣдь онъ, Ленинъ, выполняетъ только волю пролетаріата.

Повторяю, соціологическіе и политическіе взгляды на массу и индивидуумъ, и особенно на личности, стоящіе во главѣ движенія, другими словами, проблема такъ называемыхъ великихъ людей еще недостаточно установлена, недостаточно выяснена наукой. Между тѣмъ большевики именно претендуютъ на высшую степень научности, какъ въ теоріи и на практикѣ, какъ въ со-

ціології, такъ и въ политикѣ, поѣтому то ихъ научная несостоятельность какъ разъ въ этомъ основномуъ вопросѣ становится особливо большой и отвѣтственной.

Вождь истинно демократическій, просвѣщенный, критически мыслящій, будетъ стараться понять ту духовную преемственность, посредствомъ которой онъ развивался, понять, какъ и сколько онъ воспринялъ отъ своихъ предшественниковъ и современниковъ; онъ не забудетъ о параллелизмѣ взглядовъ, проистекающихъ изъ одинаковаго опыта и изъ наблюденія тѣхъ же отношеній, событій и людей; онъ пойметъ, какъ сливаются взгляды отдѣльныхъ людей въ такъ называемое общественное мнѣніе, духъ времени, душу толпы, — какое имя бы этому ни дать.

Вождь истинно демократическій и научно мыслящій будетъ мыслить и работать съ массой и для массы, но сознательно, изъ побужденій моральныхъ (политическихъ). И ни минуты не останется онъ безъ увѣренности въ томъ, что вся общественная жизнь въ ея историческомъ развитіи является жизнью отдѣльныхъ индивидуумовъ, болѣе или менѣе квалифицированныхъ, индивидуумовъ, за свои дѣйствія отвѣтственныхъ. (Проблема свободы воли въ историческомъ опредѣленіи). Повторяю: формулировка проблемы (о взаимоотношеніи индивидуума и массы) — трудна; не легко строго научно опредѣлить массу, называемую націей, народомъ, пролетаріатомъ и т. д.,

но все же, въ настоящее время этотъ вопросъ настолько уже выясненъ, что честный мыслитель не можетъ принять устарѣлую миѳическую и мистическую теорію, обожествующую общественный коллективъ и кончающуюся индивидуальнымъ апоѳеозомъ. Лишенная критицизма слова о волѣ, инстинктѣ и здоровомъ смыслѣ массы, пролетаріата, народа, націи, партіи и т. п. являются обыкновенно доказательствомъ того, что тотъ, кто говоритъ такъ, не мыслить научно, не имѣетъ ясной политической цѣли и вѣрять въ чудеса. Очень часто это впрочемъ — обыкновеннѣйшая демагогія людей, случайно попавшихъ на первый планъ, въ вожди народа.

III.

Марксъ и Энгельсъ понимали пролетаріатъ, какъ преемника и продолжателя философіи Фихте и Гегеля, т. е., какъ массу, научно образованную, или, по крайней мѣрѣ, настолько политически мыслящую, что она подготовлена къ воспріятію и подчиненію новому социалистическому режиму. Между тѣмъ, Ленинъ намѣревался дефинитивную социальную революцію осуществить съ массой непросвѣщенной, неграмотной, и поэтому неизбежно пришелъ къ теперешнему кризису. Конечно, Ленинъ утѣшаетъ себя тѣмъ, что большевики въ концѣ концовъ сдѣлаются болѣе образованными; очевидно, онъ придерживается стараго пра-

вила, что кому Богъ пошлетъ административный постъ, тому дастъ и разумъ; но опытъ не подтверждаетъ этого. Администраторы сами не рождаются.

И совѣтъ сомнителенъ аргументъ Ленина, что экспроприация капиталистовъ весьма проста, потому что ихъ мало, и потому, что главное затрудненіе — въ противодѣйствіи милліоновъ мелкихъ собственниковъ, особенно крестьянъ. Правда, въ Россіи крупныхъ капиталистовъ (Ленинъ обычно говоритъ о трэстахъ) мало, и не трудно ихъ экспроприровать. Но вѣдь экспроприация капиталистовъ еще не все; за нею слѣдуетъ социализация и въ дальнѣйшемъ — управленіе ихъ предприятиями, а это задача трудная. Объединеніе предприятий въ трэсты является упрощеніемъ въ отношеніи ихъ численности, но въ то же время это осложняетъ администрацію. Правильное же руководство трэстами требуетъ значительныхъ техническихъ и коммерческихъ познаній и требуетъ той исключительной предпринимательской способности, которая умѣетъ организовывать и сохранять крупныя предприятия.

Я хорошо понимаю разницу между хорошимъ, сильнымъ, оригинальнымъ мышленіемъ и ученостью только академической, знаніемъ заученнымъ, не оригинальнымъ; знаю, что среди рабочихъ различныхъ профессій появляются нерѣдко талантливые самородки, литературные, политическіе, техническіе, но ихъ бываетъ достаточно только

въ лучшемъ случаѣ, для пополненія старой администраціи и для частичной и постепенной социализаціи. Тогда какъ большевики при помощи своихъ главарей хотѣли перемѣнить сразу весь старый режимъ.

Русское большевистское правительство стремится къ просвѣщенію массъ, хвастается своими заботами объ искорененіи безграмотности и т. д., но это работа *ex post*, которая по Марксу и Энгельсу должна была бы предшествовать диктатурѣ, и конечно, само собой разумѣется, въ три года нельзя просвѣтить непросвѣщенную Россію. И просвѣщенія, необходимаго для руководства социалистическимъ государствомъ и социалистическимъ обществомъ, нельзя приобрѣсти заучиваніемъ наскоро нѣкоторыхъ основныхъ элементовъ просвѣщенія. Московское правительство въ концѣ августа назначило контроль культурно-просвѣтительной работы страны. Были произведены экзамены передъ особыми комиссіями, но результатъ, какъ сообщала московская „Правда“, былъ неудовлетворителенъ. Онъ освѣтилъ съ очень неблагоприятной стороны всю просвѣтительную дѣятельность въ странѣ.

Насколько можно судить по литературѣ посвященной народному образованію, вся эта работа не поднимается выше уровня средней популяризаціи наукъ политическихъ, экономическихъ и т. д.

Возьмите, напримѣръ, учебникъ политическихъ и общественныхъ наукъ для совѣтской арміи, со-

ставленный Крыленко. Съ какими малыми познаніями и неразборчивостью, въ немъ передается воображаемый ортодоксальный марксизмъ и согласно этой передачѣ официально излагается исторія. И вѣдь все это дѣлается отъ имени научнаго социализма. Конечно я допускаю, что Ленинъ, Радекъ и другіе умѣютъ писать очень искусно и убѣдительно.

Большевики приняли марксизмъ, и поэтому нынѣ они убѣждены въ томъ, что они — правовѣрные, и единственно правовѣрные его послѣдователи. Они сами не замѣчаютъ, какъ много у нихъ взято отъ Бакунина, противника Маркса. Отъ него у нихъ и мистическая вѣра въ революцію, въ русскій народъ, въ просвѣщенность его, въ исключительныя его коммунистическія и социалистическія дарованія. Они желаютъ имѣть научный социализмъ Маркса въ свое полное пользованіе, но у нихъ его нѣтъ. Они ужасные доктринеры. Доктринерство большевиковъ ведетъ къ тому, что ихъ мышленіе и весь ихъ методъ — дедуктивны и схоластичны. Воображая, что они являются носителями абсолютной истины, они полагаются на Маркса, какъ на Библію, а собственная ихъ литературная дѣятельность ограничивается исключительно компиляціей и полемикой. Русскій мыслитель удачно отмѣтилъ тотъ фактъ, что схоластика подготовила протестантизмъ; большевистская схоластика также найдетъ своего философскаго противника. Какъ у средневѣковыхъ

схоластиковъ были выдающіеся мыслители, такъ и среди большевиковъ есть интеллектуально сильные люди. Я констатирую только отсутствіе у нихъ оригинальной творческой работы и тотъ исключительно негативный характеръ литературнаго и философскаго большевизма*).

Русская интеллигенція — интеллигентская аристократія, восприняла давно всѣ культурныя достиженія Европы, но масса, народъ русскій жилъ средневѣковой культурой. Большевики, т. е., вѣрнѣе, большевистскіе вожди, также приняли западную, преимущественно нѣмецкую соціалистическую литературу и философію и въ то же время наряду съ этимъ, большевистская масса была необразована и неподготовлена. Старые славянофилы сказали бы, что большевики являются представителями самаго крайняго западничества, а Достоевскій въ большевизмѣ видѣлъ бы подтвержденіе своей теоріи и своихъ „Бѣсовъ.“

Люди стоящіе на низкой ступени просвѣщенія и нравственности, понижаютъ самыя высокіе идеалы и идеи до своего уровня. Правило антропоморфизма приложимо не только къ религіи, но

*) Вопіющимъ примѣромъ большевистской схоластики является приговоръ Высшаго Революціоннаго Трибунала въ процессѣ адмирала Щастнаго. Судъ по мнѣнію, большевиковъ имѣетъ право вынести смертный приговоръ, потому что Керенскій возстановилъ смертную казнь; Революціонный Трибуналъ же, не признавая принципиально смертной казни, приговорилъ подсудимыхъ къ разстрѣлянію — это моль не смертный приговоръ, а мѣра пресѣченія.

и къ политикѣ. Русскія народныя массы не могутъ подняться выше своего уровня. И поэтому понижается качество ихъ коммунизма и социализма. Какъ яркій примѣръ этого — то, что всѣ недостатки, которые были у царскаго правительства — въ русской школѣ, въ русской церкви и т. д. — перешли въ большевистское государство, также какъ перешелъ къ нему и старый режимъ, и это неудивительно ибо большевики сами являются плодомъ того же народа и того же просвѣщенія.

Большевики — начетчики, а такіе люди всегда опасны. Вотъ этимъ то низкимъ культурнымъ уровнемъ большевистской массы и объясняется тотъ фактъ, что науки и искусство въ Россіи не процвѣтають даже тогда, когда небошевистскіе вожди, литераторы и художники пытаются служить совѣтскому правительству. Органическое сліяніе необразованной массы и полуобразованныхъ вождей съ представителями науки, философіи и искусства — невозможно.

IV.

При такой научной и культурной несостоятельности большевиковъ, мы легко объяснимъ себѣ фактъ, почему они замѣняютъ свои теоретическія программы дѣйствительностью; это относится и къ приверженцамъ большевизма на Западѣ. Большевики всегда противопоставляли царизму

свою программу; своими идеалами они, можно сказать, духовно жили. Теперь же, когда они добились власти, они воображаютъ, что ихъ программа обезпечена и осуществлена — иллюзія вполне понятная для такихъ реформаторскихъ и революціонныхъ утопистовъ. Въ дѣйствительности же большевистскій социализмъ и коммунизмъ существуетъ только на бумагѣ.

V.

Въ защиту своей диктатуры большевики ссылаются на Маркса, который въ критикѣ Готской программы въ 1875 году писалъ:

„Между обществомъ капиталистическимъ и коммунистическимъ лежитъ періодъ революціоннаго превращенія одного въ другое. Ему также соотвѣтствуетъ переходный политическій періодъ, государство котораго не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ революціонной диктатурой пролетариата.“

»Zwischen der kapitalistischen und der kommunistischen Gesellschaft liegt die Periode der revolutionären Umwandlung der einen in die andere. Der entspricht auch eine politische Übergangsperiode, deren Staat nichts anderes sein kann als die revolutionäre Diktatur des Proletariats.«

Основываясь на этомъ, Ленинъ подчеркиваетъ, что теперешній большевистскій режимъ — пере-

ходный; при этомъ онъ особенно подчеркиваетъ то, что этотъ переходный режимъ является государственнымъ строемъ, противопоставляя вмѣстѣ съ тѣмъ вышеприведенную цитату изъ Маркса разнымъ анархическимъ толкованіямъ (также и въ его собственной партіи), согласно которымъ большевизмъ, какъ коммунизмъ, не долженъ былъ бы быть государственнымъ образованіемъ. (Анархисты и анархически настроенные большевики въ пользу этого мнѣнія приводятъ извѣстные изреченія Энгельса объ умираніи и т. п. государства).

Дѣло все въ томъ, что мы должны понимать подъ словомъ „диктатура“. Большевики понимаютъ и проводятъ въ жизнь свою диктатуру, пользуясь методами террористическими, — въ этомъ они во всякомъ случаѣ на Маркса ссылаться не могутъ. То мѣсто, въ которомъ Марксъ говоритъ о диктатурѣ пролетаріата, — очень кратко и неопредѣленно, и поэтому оно легко можетъ породить нѣкоторыя сомнѣнія.

Несмотря на это, можно съ абсолютной увѣренностью доказать, что Марксъ и не думалъ о такой диктатурѣ, какую проводятъ большевики. Надо только хорошо обратить вниманіе на слова Маркса, въ которыхъ онъ различаетъ два понятія — общества и государства. Марксъ, въ согласіи со своей теоріей и идеологической къ ней надстройкой, къ которой относится также и государство, въ коммунистическомъ обществѣ не хочетъ имѣть государства. Именно потому, что го-

сударство по Марксу является только отраженіемъ, рефлексомъ, своеобразной идеологической надстройкой къ экономическимъ отношеніямъ, во время перехода отъ капитализма къ коммунизму, — именно поэтому государство является также переходнымъ, „отвѣчающимъ“ экономическому состоянію переходнаго времени. Это переходное время въ духѣ Маркса должно быть экономически и соціально выше и лучше, чѣмъ періодъ капиталистическій, а въ соотвѣтствіи съ этимъ также и государство, „отвѣчающее“ этому переходному времени, должно быть инымъ, чѣмъ капиталистическое, т. е. лучше и выше. „Экономикъ“ переходнаго времени отвѣчаетъ и переходное государство.

Изъ этого фундаментальнаго взгляда Маркса ясно проистекаетъ, что Ленинъ и большевики неправильно ссылаются на Маркса въ защиту своей „диктатуры“, потому что ихъ диктатура является диктатурой политической въ смыслѣ стараго абсолютическаго царскаго режима. Большевистское государство — террористическое, чисто политическое. Это видно и изъ того, что Центральный Совѣтъ Народнаго Хозяйства абсолютно подчиненъ Исполнительному Комитету, другими словами: большевистское государство, большевистская революція являются образованіями чисто политическими. Они не были подготовлены заранее, и не являются подготовленными теперь, ни экономически, ни соціально. Поэтому они такъ террористически настроены; такой терроръ былъ

бы ненуженъ и невозможенъ, если бы русское общество созрѣло, или, по крайней мѣрѣ, полу-созрѣло для соціальной революціи. Совнаркомъ — совсѣмъ, какъ тотъ французскій король, который владѣлъ, господствовалъ, но не управлялъ. Вѣдь по Марксу капиталистическое общество въ сущности своей подготавливаетъ коммунизмъ, — примѣнимо ли это къ Россіи?

Наконецъ есть диктатура и диктатура. Марксъ въ 1872 г. писалъ, что нѣкоторыя страны могутъ провести свои революціи мирнымъ путемъ; среди нихъ онъ называетъ Францію, Англію, Америку, допускаетъ и Голландію. Послѣ Маркса Энгельсъ объявилъ Германію способной провести революцію парламентарнымъ, а не насильственнымъ путемъ. Мнѣніе послѣдняго даетъ особое, глубокое значеніе положенію Маркса о диктатурѣ, высказанному имъ въ 1873 году, въ томъ смыслѣ, что въ культурныхъ странахъ соціальная революція можетъ и должна быть проведена парламентарнымъ путемъ, а не путемъ насилія и террора.

Въ дополненіе къ этому Марксъ еще въ 1871 г. провозгласилъ Парижскую Коммуну удобной формой для проведенія соціальной революціи; большевики тоже ссылаются на примѣръ Парижской Коммуны, но вѣдь Коммуна была построена на основѣ всеобщаго избирательнаго права, и правительство Коммуны было коалиціоннымъ. Большевики же попираютъ всеобщее избирательное право, не допускаютъ коалиціи и отстаиваютъ го-

сподство исключительно своей партіи, при томъ только при помощи террора.

Дѣйствительно, нельзя понять, какъ была бы возможна диктатура пролетаріата безъ террора, при одной лишь помощи парламента. Для пролетаріата вѣдь важно достигнуть своей цѣли средствами, наиболѣе удобными; если же социаль-демократія парламентской тактикой достигнетъ большинства въ избирательной средѣ, того огромнаго большинства, которое Марксъ требуетъ для дефинитивной революціи, — тогда она проведетъ свою программу черезъ парламентъ и посредствомъ парламента. Къ этой цѣли стремилась и стремится тактика социалистовъ во всѣхъ западныхъ государствахъ. Для такой диктатуры само собою разумѣется, предполагается наличность пролетаріата образованнаго и подготовленнаго, въ Россіи же нѣтъ такого пролетаріата и потому то именно тамъ царитъ партійная диктатура и оргія необразованности.

Политическую революцію при благопріятныхъ обстоятельствахъ провести легко, но для экономической революціи требуются серьезныя предпосылки. Экономическія взаимоотношенія зиждутся на дружной работѣ, а не на борьбѣ, не на политической революціи. Большевики въ Россіи совершили при благопріятныхъ для нихъ обстоятельствахъ свою политическую революцію, но они не были подготовлены къ постоянной кропотливой спокойной систематической экономиче-

ской работѣ. Отсюда — кризисъ экономическій, фіаско въ области народнаго хозяйства. Когда падалъ царизмъ, когда деморализованныя войска разбѣгались по домамъ, Ленинъ своимъ лозунгомъ — „миръ во что бы то ни стало“ захватилъ въ свои руки политическую власть; но этой власти еще не достаточно для веденія сложной системы современной экономики. Та истина, что современное хозяйство требуетъ квалифицированныхъ рабочихъ и разнообразныхъ руководителей, администраторовъ отдѣльныхъ заводовъ и также цѣлой системы государственнаго и народнаго хозяйства, этотъ фактъ оцѣнивается односторонне при каждой политической революціи. Въ результатѣ, такая революція, экономически неподготовленная, ухудшаетъ экономическое и соціальное положеніе рабочаго класса и всего общества, потому что она уничтожаетъ готовыя цѣнности и нарушаетъ экономическое равновѣсіе.

Отсюда ясно, что большевистская революція потерпѣла крушеніе именно потому, что не принимала во вниманіе ту экономическую связь и взаимозависимость, которая существуетъ у Россіи съ Западомъ. Вѣдь ясно, что при существующей экономической взаимозависимости всѣхъ странъ и народовъ невозможно одной странѣ противъ воли остальныхъ странъ провести скольнибудь глубокую реформу, затрагивающую основы экономическихъ и социальныхъ отношеній. Въ своемъ обращеніи я указывалъ на это обстоятельство. Интенсивная

соціалізація и коммунизмъ нарушаютъ международные интересы. И Ленинъ въ сущности говоря, признаетъ это тѣмъ, что онъ пребываетъ постоянно въ ожиданіи революціи европейской и міровой. Но онъ ошибается въ томъ, что Европа и Америка хотятъ такую революцію.

Вѣдь, если взять для примѣра нашу страну, то окажется, что мы имѣемъ нужду въ сырьѣ изъ за границы, вмѣсто котораго мы должны экспортировать фабрикаты — какъ же возможно, чтобы мы противъ воли этой самой заграницы могли бы провести какую нибудь экономическую революцію. Революція же чисто политическая при настоящихъ обстоятельствахъ въ демократической республикѣ — абсурдъ, и болѣе того, она прямо таки преступленіе противъ интересовъ трудового народа.

VI.

Я бы хотѣлъ сказать еще слово о пролетаріатѣ. Благодаря войнѣ и ея экономическимъ послѣдствіямъ мѣняется понятіе „пролетарій“ и мѣняется также понятіе пролетаріата, какъ класса. Значительная часть интеллигенціи съ высшимъ образованіемъ пролетаризуется. Обстоятельства заработной платы таковы, что угрожаютъ благосостоянію круга и класса государственныхъ чиновниковъ и частныхъ служащихъ.

Я наблюдаю, какъ въ разныхъ соціалистическихъ деклараціяхъ устанавливается привычка говорить о пролетаріяхъ рабочихъ и интеллигентскихъ. Какія послѣдствія будетъ имѣть эта особая экспропріація интеллигенціи для дальнѣйшаго развитія общества — я не буду теперь разбирать. Но обращаю вниманіе на эту проблему. Съ одной стороны казалось бы, что пролетаріатъ увеличится численно благодаря этой экспропріаціи и благодаря этому выиграетъ, съ другой стороны, можно опасаться, что высшее образованіе и наука пострадаютъ отъ уменьшенія числа учащихся. Для соціализма, истинно научнаго, это выдвигаетъ впередъ на очередь серьезную проблему.

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА.

№ 1. Т. Г. МАСАРИКЪ: „О большевизмъ“.

Въ печати:

№ 2. ЭМ. РАДЛЪ, проф. праж. унив. „Т. Г. Масарикъ, его жизнь, ученая и общественная дѣятельность“.

№ 3. ЯНЪ НЕРУДА. Біографія. Избранныя произведенія.

Готовятся къ печати переводы избранныхъ произведеній чешской литературы: ИРАСЕКЪ, РАЙСЪ, ЗЕЙЕРЪ и др.

Изъ поэзіи: БРЖЕЗИНА, ВРХЛИЦКІЙ, БЕЗРУЧЪ и др.

ВЪ КНИЖНОМЪ СКЛАДѢ „НАША РѢЧЬ“: дешевыя пражскія изданія произведеній русскихъ классиковъ и богатый выборъ книгъ всѣхъ иностранныхъ изданій, журналовъ и газетъ.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ КАТАЛОГЪ

высылается бесплатно.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „НАША РѢЧЬ“ принимаетъ заказы на печатаніе и экспедицію книгъ и публикацій.

„NAŠA RJEČ“

PRAHA-II., KATEŘINSKÁ 40
ČECHOSLOVAKIA
TELEFON 9416.

(1/2. 30x)

PL

3869

1.77 (1986) 4

РЛ3869

ТОМАШ Г. МАСАРИН

